

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

№ 8

1957

*СЕРИЯ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ*

Выпуск 2

Редакционная коллегия серии:

Г. В. Ефимов (отв. редактор серии),
М. П. Алексеев (зам. отв. редактора), А. Ф. Бережной,
А. Н. Болдырев, Б. М. Кочаков, Б. А. Ларин,
В. В. Мавродин, Н. И. Павлицкая (секретарь),
А. А. Холодович, П. Р. Швердалкин

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

А. Н. Кононов

**ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1855—1955)**

Столетие Восточного факультета Ленинградского университета отмечается в эпоху коренных изменений, происходящих в Азии и на всем Востоке. Образовалась великая народная держава — Китайская Народная Республика. Под знаменем народной демократии развиваются Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам, Монгольская Народная Республика. Встали на путь самостоятельного политического развития народы Индии, Бирмы, Индонезии, Египта. Значительных успехов в борьбе за независимость добились Сирия, Афганистан. Старый, колониальный Восток уходит в прошлое. Его место занимает новый Восток — Восток народов, завоевавших право на свободное и независимое существование, Восток, борющийся за упрочение своей независимости, за быстрое развитие на пути прогресса. Эти исторические перемены, огромный и все растущий авторитет Советского Союза в странах Востока, развитие и упрочение связей между нашей страной и Востоком ставят перед советским востоковедением новые ответственные задачи.

Глубокий научный анализ и характеристика процессов, происходящих на Востоке, требуют всестороннего изучения как современного состояния стран Востока, так и их экономического, политического и культурного развития в прошлом. Нынешние коренные изменения в Азии были подготовлены всем ходом исторического развития стран Востока.

Советское востоковедение располагает всеми необходимыми условиями для успешного решения этих задач. Советские востоковеды вооружены подлинно научной, марксистско-ленинской методологией исследования истории, экономики, языков и культуры народов Востока. У нас есть богатейшие традиции изучения Востока, заложенные русским востоковедением еще в дооктябрьское время и продолженные и развитые советскими востоковедами. Опираясь на все лучшее в этих традициях, востоковедение поднимется на уровень современных требований.

Юбилей Восточного факультета — одного из крупнейших востоковедных центров нашей страны — дает возможность оглянуться на пройденный путь, критически проанализировать наши успехи и недостатки, конкретизировать задачи, стоящие перед коллективом востоковедов, объединяемых факультетом.

* * *

Восточные языки на Руси практически были известны давно. Непосредственное и постоянное общение русов-антов с Византией и народами Ближнего и Среднего Востока завязывается еще в VII в.¹

¹ Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М., 1944, стр. 20.

На рубеже XV—XVI вв. в Москве на государственной службе были лица, владевшие восточными языками. В XVII в. в штате Посольского приказа были толмачи и переводчики с ряда восточных языков.¹ Приблизительно к этому же времени относится и начало близкого ознакомления русских с Сибирью, Монголией и Китаем.

Подъем наук и искусств в петровское время, активная восточная политика Петра I — интерес к Сибири, Китаю, Монголии, попытки проникновения в Среднюю Азию, поиски путей в Индию, сношения с Персией и Турцией — имели непосредственное влияние на развитие востоковедения в России.

Первые официальные распоряжения об изучении восточных языков в России также связаны с деятельностью Петра I.²

Создание Академии наук (1725) явилось важным этапом в развитии науки в России вообще и востоковедения в частности.

О глубокому интересе к Дальнему Востоку свидетельствует созданная в 1736 г. при Академии наук школа для обучения японскому языку.³

Все возрастающим интересом к Китаю объясняется инициатива Академии наук, которая в 1741 г. открыла школу китайского и маньчжурского языков. Преподавателем в этой школе был первый русский китаевед Илларион Россохин [1707(?)—1761], изучавший китайский и маньчжурский языки в течение десяти лет в Пекине.⁴

После создания Академии наук изучение восточных окраин и соседей тогдашней России приобретает в известной мере планомерный характер. Академия наук снаряжает экспедиции, которым в числе других заданий «в данных от Академии инструкциях всех чужих языков пробы собирать велено».⁵

Лексические материалы экспедиций, особенно Второй академической экспедиции (1769—1774), легли в основу крупнейшего лингвистического труда XVIII в. «Сравнительные словари всех языков и наречий», в котором были представлены и все известные тогда восточные языки.

В течение XVIII в. были охвачены изучением все крупные восточные языки, включая тибетский и дравидийские (Байер, Мессершмидт) языки. В конце XVIII в. начинает свою деятельность первый индianист — Герасим Степанович Лебедев (1749—1817), проживший в Индии двенадцать лет (1785—1797).⁶

В течение XVIII в. была создана необходимая база для дальнейшего прогресса нашего востоковедения: были подготовлены словари,

¹ С. А. Белокуров. О посольском приказе. М., 1906, стр. 54—55.

² См. В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России (Л., 1925, стр. 196—197); И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики (М.—Л., 1950, стр. 40 и сл.); Полн. собр. законов Российской империи (т. IV. № 1800; т. V. № 2978); П. Иванов. Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам. (Вестн. Русск. географ. о-ва, 1853, ч. 8, стр. 170—171); см. также ЖМНП (октябрь 1853 г., стр. 28—29).

³ С. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 387 и сл.; В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, стр. 200—201.

⁴ В. П. Таранович. Илларион Россохин и его труды по китаеведению. «Советское востоковедение», т. III, 1945, стр. 225—241.

⁵ Материалы для истории Академии наук, т. 2 (1731—1735). СПб., 1886, стр. 407.

⁶ См.: В. С. Воробьев-Десятовский. Русский индianист Герасим Степанович Лебедев («Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., 1956, стр. 36—73); Л. С. Гамаюнов. Герасим Лебедев — основоположник русской индологии («Советское востоковедение», 1956, № 1, стр. 145—154); Его же. Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г. С. Лебедева) («Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., 1956, стр. 74—117).

собраны восточные рукописи, книги, нумизматический материал, было положено начало преподаванию восточных языков. Таким образом, XVIII столетие в истории русского востоковедения является периодом собирания необходимых материалов и накопления опыта, без которых были бы невозможны успехи нашего отечественного востоковедения во второй половине XIX в.

В самом начале XIX в. открывается первая страница истории преподавания восточных языков в русских университетах. По университетскому уставу от 5 ноября (ст. ст.) 1804 г. в преобразованном Московском Университете и во вновь создаваемых Харьковском и Казанском университетах на отделениях *словесных* наук учреждались *кафедры восточных языков*, под которыми в ту пору, как у нас, так и в Западной Европе, понимали «языки библейского и мусульманского Востока».¹

Наряду с университетами преподавание восточных языков в первой половине прошлого столетия осуществлялось (в практических целях) в различных городах тогдашней России — «В Астрахани, Новочеркасске, Омске, Нерчинске, Иркутске, Кяхте; в Закавказье и Крыму также преподавались языки и наречия, необходимые для сношений с соседственными инородцами — татарский, монгольский, калмыцкий, китайский, лезгино-аварийский, армянский и грузинский».² В Москве преподавание восточных языков было представлено в Армянском Лазаревых Институте восточных языков.

В С.-Петербурге, в Главном педагогическом институте, основанном 23 декабря (ст. ст.) 1816 г., были учреждены две кафедры восточных языков — кафедра арабского языка и кафедра персидского языка. Эти кафедры были замещены приглашенными из Франции учениками знаменитого Сильвестра де Саси — Жаном-Франсуа Деманжем (1789—1839) и Франсуа-Бернаром Шармуа (1793—1868), которые приступили к преподаванию в конце марта 1818 г.³

В помощь названным профессорам «для практических упражнений в восточных языках» в январе 1819 г. был приглашен персиянин, уроженец Грузии Мирза Джафар Топчибашев (1790—1869).⁴

В ноябре 1818 г. при Кунсткамере Академии наук был создан «Восточный кабинет», несколько позднее получивший широкую известность как Азиатский музей.⁵ Директором Музея был назначен академик Х. Д. Френ (1782—1851).⁶

¹ В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета. 1855—1905. Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, СПб., 1909, стр. 24.

² П. С. Савельев. Восточные литературы и русские ориенталисты. Русский вестник, т. II, 1856, март, кн. 2, стр. 122.

³ В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета, стр. 36, 37, сноска 5.

⁴ В. В. Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 22; О. М. Дж. Топчибашеве см.: Н. И. Веселовский. История Имп. русск. археол. о-ва за первое пятидесятилетие. 1846—1896. СПб., 1900, стр. 32—33; Некролог, написанный В. В. Григорьевым; см. Изв. Русск. археол. о-ва, т. VII, стр. 302—304.

⁵ В. Догп. Das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. СПб., 1846; Азиатский музей Российской академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пг., 1920; Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.—Л., 1953; Д. И. Тихонов. Из истории Азиатского музея. «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., 1956, стр. 449—468; О. Э. Ливотова. Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР. 1776—1954. «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., 1956, стр. 469—511.

⁶ П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. Тр. Восточного отделения Археолог. о-ва, ч. II, СПб., 1856.

Таким образом, в течение 1818 г. в С.-Петербурге было создано два центра, сыгравших чрезвычайно важную роль в развитии отечественного востоковедения: в Главном педагогическом институте была заложена основа будущего факультета восточных языков С.-Петербургского университета, а в Академии наук был создан Азиатский музей — первое научно-исследовательское востоковедное учреждение.

8 февраля (по ст. ст.) 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в С.-Петербургский университет, публичные лекции в котором начались 5 ноября (ст. ст.) 1819 г.¹

В течение первых двух лет существования С.-Петербургского ун-та на историко-филологическом факультете было образовано три разряда: исторический, филологический и восточной словесности.² На разряде восточной словесности преподавались языки арабский (Деманж) и персидский (Шармуа), практические занятия по этим языкам вел лектор Топчибашев.

Разгром университета, учиненный в ноябре 1821 г. попечителем С.-Петербургского учебного округа Д. П. Руничем, задел и востоковедение: Шармуа и Деманж в июле 1822 г. вышли в отставку «вследствие грубого оскорбления, которому подвергся Шармуа в заседании 3 ноября 1821 г. со стороны попечителя».³ Оба они перешли на постоянную работу в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, к которому они были причислены еще в 1820 г. В 1831 г. Шармуа вернулся в университет и занял свою прежнюю кафедру.⁴

После ухода Шармуа и Деманжа преподавание персидского языка было возложено на М. Дж. Топчибашева, которому было присвоено звание адъюнкта (доцента), а на кафедру арабской словесности был приглашен воспитанник Виленского университета О. И. Сенковский (1800—1858), впоследствии литератор и редактор «Библиотеки для чтения», писавший под псевдонимом «Барон Брамбеус».⁵

18 августа 1822 г. Сенковский начал преподавание арабского и турецкого языков,⁶ хотя турецкий язык официально в число предметов университетского преподавания был введен только по уставу 1835 г. Сенковский преподавал турецкий язык «так сказать, приватно только студентам III (тогда последнего) курса, по 2 раза в неделю».⁷

К концу 20-х годов прошлого столетия в С.-Петербурге было уже четыре востоковедных центра: Восточное отделение университета, Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД

¹ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 6.

² Там же, стр. 31.

³ В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета, стр. 38, сноска 3. — О событиях, известных как «Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году», см.: Материалы по истории СПб. университета, т. I, Пг., 1919, стр. 206—217; Я. И. Давидович. «Дело» С.-Петербургского университета 1821 г. Вестник ЛГУ, 1947, № 3, стр. 145—155.

⁴ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 15—16 (примечания).

⁵ О нем см.: Н. Г. Чернышевский. Сенковский (Брамбеус). (Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. II, Пг., 1918); П. С. Савельев. О жизни и трудах О. И. Сенковского. (Собр. соч. О. И. Сенковского, т. I, СПб., 1858); И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики (стр. 105 и сл.) — Мнение П. Я. Петрова о Сенковском см.: И. Ю. Крачковский. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Беллинскому (сб. «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 12—14); В. Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» (Л., 1929).

⁶ П. С. Савельев. О жизни и трудах О. И. Сенковского. Собр. соч. О. И. Сенковского, т. I, стр. 1; В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 40, 52.

⁷ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879, стр. 102—103.

(основано в 1823 г.),¹ Азиатский музей и Публичная библиотека с ее коллекцией восточных рукописей.

Наличие солидной базы в виде этих четырех учреждений создавало благоприятные условия для развития востоковедения в С.-Петербурге, что и побудило Френа, Шармуа и Сенковского выступить в 1829 г. с запиской «О необходимости учредить при С.-Петербургском университете особый полный класс Восточных языков».²

Создать в то время самостоятельный факультет восточных языков и литератур, равноправный с прочими факультетами, по ряду причин не удалось.

В 1835 г. был издан «Общий устав Российских университетов», на основании которого во всех четырех русских университетах в составе первого (т. е. историко-филологического) отделения философского факультета предусматривалась в качестве особой дисциплины «восточная словесность» с подразделением на: а) языки арабский, турецкий и персидский; б) языки монгольский и татарский.

В 30-х годах прошлого столетия преподавание восточных языков велось в двух университетах — Петербургском и Казанском, в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД, в Восточном институте при Ришельевском лицее в Одессе (с 1828 г.) и в некоторых средних учебных заведениях. К концу 30-х годов отчетливо выявляется настоятельная необходимость коренного изменения системы подготовки специалистов-востоковедов.

В 40-х годах XIX в. преподавание восточных языков в Казанском и, в особенности, в Петербургском университетах переживает тяжелый кризис, связанный, в первую очередь, с неясностью задач и направлений, по которым должно было развиваться университетское востоковедение.

Основные трудности, стоящие перед университетским востоковедением, и меры, направленные на их устранение, были сформулированы в 1848 г. попечителем С.-Петербургского учебного округа следующим образом:

«Затруднения в приискании достойных профессоров для замещения открывающихся по временам вакантных кафедр восточных языков и препятствие, постоянно встречаемое, к размещению на службу молодых людей, с успехом и отличием кончивших курс по восточному отделению в университетах С.-Петербургском и Казанском, утверждают меня в мнении, что весьма достаточно иметь в России при одном только университете восточное отделение, на прочных основаниях устроенное и достаточно развитое».³

С другой стороны, к 1851 г. выяснилось другое немаловажное обстоятельство: в силу ряда причин восточное отделение Казанского университета пришло в упадок. Для укрепления востоковедения необходимы были срочные меры; при таких обстоятельствах в ноябре 1851 г. возник новый проект: объединить в С.-Петербурге кафедры восточных языков Петербургского и Казанского университетов, Ришельевского лицея и Учебного отделения при Азиатском департаменте МИД в специальное учебное заведение под названием «Азиатский институт».⁴

¹ О нем см. Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, СПб., 1905, стр. 529—534.

² Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 96—103, 134—138; В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 42 и сл.

³ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 6.

⁴ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 10—14, 27, 82, 90—92, 467—473; В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 76—78.

В начале 1854 г. стало ясно, что по ряду причин, в первую очередь из-за противодействия МИД, создать Азиатский институт невозможно, в силу чего в феврале 1854 г. возник проект «О замене предполагаемого Азиатского института факультетом восточных языков при С.-Петербургском университете»,¹ в основу которого был положен проект Азиатского института.

22 октября (по ст. ст.) 1854 г. был подписан Указ правительствующему сенату о преобразовании отделения восточных языков С.-Петербургского университета в *Факультет восточных языков*, в составе которого учреждались кафедры языков: 1) арабского, 2) персидского, 3) турецко-татарского, 4) монгольского и калмыцкого, 5) китайского, 6) еврейского, 7) армянского, 8) грузинского, 9) маньчжурского, которые делились на пять разрядов: а) арабско-персидско-турецко-татарский, б) монголо-калмыцко-татарский, в) китайско-маньчжурский, г) еврейско-арабский, д) армяно-грузинско-татарский.²

В результате слияния восточных отделений Петербургского и Казанского университетов в числе профессоров и преподавателей ФВЯ оказался весь цвет русского востоковедения того времени: А. К. Казем-Бек, А. О. Мухлинский, В. П. Васильев, И. Н. Березин, А. В. Попов, Д. А. Хвольсон, М. Тантави, М. Т. Навроцкий, К. Ф. Голстунский, Л. З. Будагов, Д. И. Чубинов, Н. А. Берзев и др.

Торжественное открытие ФВЯ состоялось 27 августа (ст. ст.) 1855 г.; занятия начались 1 сентября (ст. ст.) 1855 г.³

23 ноября 1855 г. ФВЯ получил разрешение ввести в число предметов своего преподавания афганский язык, который вызвался безвозмездно читать академик Б. А. Дорн, являющийся пионером изучения и преподавания афганского языка. В тот же день было получено разрешение открыть кафедру санскритского языка, преподавание которого было введено, однако, только осенью 1858 г.; первым преподавателем санскрита был К. А. Коссович. Так образовался новый (шестой) *санскритско-персидский* разряд. В число штатных кафедра санскритской словесности была введена только уставом 1863 г.

Подводя итоги реформы востоковедного образования 1854—1855 гг., В. В. Григорьев, историк С.-Петербургского университета и выдающийся востоковед, имел все основания сказать: «Устроилось в Петербургском Университете то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде, по праву, только в России и должно было возникнуть».⁴

Официальная точка зрения, определявшая направление деятельности ФВЯ, в изложении его первого декана, А. Казем-Бека, представлена в следующем виде:

«...назначение нашего факультета *чисто практическое*, непосредственно применяемое к делу, именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим (для службы), между инородцами, живущими в пределах нашего отечества... Ученая цель должна занимать наш факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских».⁵

¹ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 93—96; В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 78 и сл.

² Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 143, 252.

³ Там же, стр. 253.

⁴ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 125.

⁵ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 392.

Стремление ограничить цели и задачи ФВЯ узко практическим направлением встретило резкие возражения со стороны ряда профессоров факультета, что привело в конечном счете к отставке Казем-Бека с поста декана (24 ноября 1858 г.).

29 января 1859 г. деканом был избран арабист и тюрколог А. О. Мухлинский, в чем усматривалось намерение части профессоров факультета усилить и укрепить научную линию деятельности ФВЯ.

Некоторые новые изменения в структуру ФВЯ внес университетский устав 1863 г.; в соответствии с § 17 нового устава: «В факультете восточных языков полагаются следующие кафедры при 9 профессорах, 8 доцентах и 4 лекторах:

1. Арабская словесность:
 - а) арабский язык и толкование авторов,
 - б) история арабской литературы.
2. Персидская словесность:
 - а) персидский язык и толкование авторов,
 - б) история персидской литературы.
3. Турецко-татарская словесность:
 - а) образование турецких наречий и их литератур,
 - б) османское наречие и история его литературы.
4. Китайская и Маньчжурская словесность:
 - а) китайский язык и толкование авторов,
 - б) история китайской литературы,
 - в) маньчжурский язык и история маньчжурской литературы.
5. Монгольская и калмыцкая словесность:
 - а) монгольский язык,
 - б) история монгольской литературы,
 - в) калмыцкое и бурятское наречия.
6. Еврейская, сирийская и халдейская словесность:
 - а) еврейский, сирийский и халдейский языки,
 - б) история литератур этих языков.
7. Армянская и грузинская словесность:
 - а) армянский язык,
 - б) история армянской литературы,
 - в) грузинский язык
 - г) история грузинской литературы.
8. Санскритская словесность:
 - а) санскритский язык,
 - б) зенд,
 - в) история санскритской литературы.
9. История Востока:
 - а) история семитских народов
 - б) история северо-восточной Азии
 - в) история арийских народов Азии».¹

На вновь учрежденную кафедру истории Востока был приглашен проф. В. В. Григорьев, выдающийся востоковед-историк.

В 1864 г. структура факультета, предусмотренная уставом 1863 г., подверглась изменению: из двух разрядов — монголо-калмыцкого и китайско-маньчжурского был образован один разряд китайско-маньчжуро-монгольский.

Факультет, стараясь облегчить судьбу своих питомцев, пытается (с 1865 г.) включить в число обязательных предметов некоторые историко-

¹ Университетский устав 1863 г. СПб., 1863.

филологические и юридические дисциплины, что явилось известным откликом на семимесячную переписку между попечителем С.-Петербургского учебного округа, министерством народного просвещения и ФВЯ «Об устройстве положения молодых людей, окончивших курс в факультете восточных языков».¹

В записке о будущем питомцев ФВЯ А. Казем-Бек (20 января 1864 г.) продолжал отстаивать свою точку зрения на задачи факультета, видя в нем чисто практическое учебное заведение, усматривая в углублении практической линии единственное средство от всех бед. Факультет не согласился с Казем-Бекем и поручил В. В. Григорьеву написать мнение ФВЯ по этому поводу.

Факультет запиской, составленной В. В. Григорьевым и подписанной деканом А. О. Мухлинским, ясно и четко определил направление своей деятельности: «...практические цели факультета, сколь ни важны они, составляют лишь часть его задачи, заключающейся, главнейше, как и задача всякого другого факультета, в ученой обработке и распространении сведений, входящих в круг преподаваемых в нем предметов...»²

ФВЯ постоянно стремился увеличить число восточных языков, преподаваемых на факультете: в октябре 1870 г. вводится преподавание японского языка (в составе китайско-маньчжуро-монгольского разряда).

В 1898 г. была учреждена *кафедра японского языка и словесности*.

Расширяя круг предметов, необходимых для подготовки высококвалифицированных востоковедов, ФВЯ в декабре 1872 г. по инициативе И. Н. Березина, тогдашнего декана (1870—1873), ввел преподавание мусульманского законоведения; чтение этого курса было поручено лектору турецкого языка Мухаммеду Османову, кумыкскому ученому и поэту.³

ФВЯ, в лице его нового декана (1878—1893) В. П. Васильева (1818—1900),⁴ стремясь, в целях научных и практических, расширить круг восточных языков, изучаемых на факультете, в 1882 г. высказывается за введение преподавания тибетского, корейского и индустанского языков, — под последним понимался урду.⁵

Преподавание корейского языка было введено с 1897 г. Преподавание же тибетского языка удалось начать в 1904 г. (Ф. И. Щербатской).⁶

Новый университетский устав 1884 г. в части, касающейся ФВЯ, отразил взгляды правительства на востоковедное образование: практическим задачам отдавалось предпочтение перед задачами научными. Однако именно теперь, в начале восьмидесятых годов прошлого столетия, ФВЯ располагал такими силами, которые позволяли ему углубить и расширить научную линию своей деятельности.

¹ Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 455 и сл.

² Там же, стр. 507.

³ Там же, т. II, стр. 99—100. Программа курса, составленная М. Османовым, стр. 100—101.

⁴ Н. А. Петров. Академик В. П. Васильев и восточный факультет. Вестник ЛГУ, 1956, № 8, стр. 85—98; З. И. Горбачева, Н. А. Петров, Г. Ф. Смышкалов, Б. И. Панкратов. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев. «Очерки по истории русского востоковедения». Сб. 2, М., 1956, стр. 232—340.

⁵ Материалы для истории факультета восточных языков, т. II, стр. 91, 189, 192—198.

⁶ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 193.

Ясное представление о целях, задачах и направлении учебной и научно-исследовательской работы ФВЯ дают его учебные планы и программы.

«Программы преподавания и экзаменные требования, выработанные ФВЯ после введения Устава 1884 г.»,¹ свидетельствуют о двух чрезвычайно важных обстоятельствах: во-первых, о том, что факультет видит свою основную задачу в развитии и укреплении научной линии своей деятельности; во-вторых, что поставить перед собой задачи такого объема, как это было определено программами, может только коллектив высококвалифицированных специалистов. В это время преподавание на ФВЯ ведут: выдающийся китаевед и маньчжурист, знаток буддизма, конфуцианства и даосизма В. П. Васильев; крупный иранист и тюрколог, историк и филолог И. Н. Березин; основатель русской индологической школы И. П. Минаев; крупный знаток монгольских языков, автор знаменитого словаря К. Ф. Голстунский; выдающийся армянист К. П. Патканов; основоположник русской семитологической школы Д. А. Хвольсон; основатель новой школы русской арабистики В. Ф. Гиргас; крупный знаток маньчжурского языка И. И. Захаров, основатель новой школы русского дореволюционного востоковедения В. Р. Розен; крупный знаток истории Средней Азии и выдающийся историк русского востоковедения Н. И. Веселовский; выдающийся тюрколог В. Д. Смирнов и другие.

Учебные планы, программы и экзаменационные требования 1884 г.,² которые заслуживают самого внимательного изучения, направляя факультет на строго научное изучение Востока, не только не закрывали дверей для практического его изучения, но, наоборот, способствовали углубленному изучению Востока и в практических целях.

Идея гармонического сочетания целей научных и практических, как основа развития университетского востоковедения, нашла свое отражение в блестящей речи проф. И. П. Минаева (1840—1890), произнесенной на годовичном акте С.-Петербургского университета 8 февраля (ст. ст.) 1884 г. «Научный интерес в изучении Индии для русского ориенталиста, — говорил Минаев, — не исчерпывается однако же ее прошлыми судьбами, каково бы ни было ее значение в мировой истории. У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а потому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения. Словом, как в старину, так еще более теперь Восток для русского ученого не может быть мертвым, исключительно книжным объектом научной пытливости».³

В это же время отчетливо проявляется одно чрезвычайно важное обстоятельство: ФВЯ С.-Петербургского университета и Азиатский музей — в научно-исследовательской области в восьмидесятых годах прошлого столетия взаимно дополняют друг друга и настолько сближаются, что можно с полным основанием говорить о *едином петербургском центре* русского научного востоковедения; одни и те же ученые-востоковеды возглавляют кафедры в Академии наук и в университете. Это обстоятельство дало основание академику С. Ф. Ольденбургу

¹ Материалы для истории факультета восточных языков, т. II, стр. 102 и сл.

² Там же, стр. 102—177.

³ И. П. Минаев. Об изучении Индии в русских университетах. Годичный акт С.-Петербургского университета, 8 февраля 1884 г., стр. 89.

утверждать, что «факультету в истории русского востоковедения, наряду с Академией наук, принадлежит бесспорно первое место».¹

Международное признание выдающихся успехов русского востоковедения усматривается, например, в том факте, что III международный съезд востоковедов (1876) состоялся в С.-Петербурге; председателем его был тогдашний декан ФВЯ прсф. В. В. Григорьев.

Успешное развитие русского востоковедения в конце прошлого столетия, подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В. Р. Розена (1849—1908), воспитанника ФВЯ (1866—1870) и его декана с 1893 по 1902 г.

В. Р. Розен в Академии наук (после его вторичного избрания 1 декабря 1890 г.), на ФВЯ и в Восточном отделении Русского археологического общества и вокруг «Записок» — печатного органа этого общества — сумел сплотить «все живые силы русского востоковедения, современного ему и младшего поколения».²

Ученые ФВЯ в это время специализируются в двух основных областях востоковедения: область восточной филологии, которая охватывает комплексно изучаемые язык и литературу данного народа, область истории стран Востока, базирующейся на глубоком знании первоисточников на восточных языках; основное внимание в этой области уделялось средневековью.

В филологической области к концу прошлого столетия выкристаллизовывается новая самостоятельная дисциплина — *восточное языкознание*, для которой язык является не средством, а целью изучения. Первым ярким представителем этого направления был выдающийся тюрколог П. М. Мелиоранский (1868—1906), воспитанник и позднее профессор ФВЯ.

Несколько раньше, в семидесятых годах, санскритологи и иранисты утверждают сравнительно-историческое направление в изучении восточных языков (Коссович, Минаев, Залеман и др.).

Востоковеды-историки вели свою работу по трем главным линиям: гражданская история, история культуры, история религий народов Востока. Особо следует отметить успехи русских востоковедов в изучении основных религий Востока — буддизма и ислама.

Русская буддологическая школа, получившая всеобщее признание, была создана В. П. Васильевым и его учеником И. П. Минаевым и развита учениками Минаева — С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским; в истории изучения ислама почетное место занимают труды В. В. Бартольда, А. Э. Шмидта, И. Ю. Крачковского и их учеников.

В начале XX в. идет дальнейшая дифференциация этих основных направлений; сравнительно большее место в исследованиях востоковедов-историков начинает занимать археология (Н. Я. Марр, И. А. Орбели); развивается литературоведческое направление (В. А. Жуковский, В. Д. Смирнов, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев и др.).

Подводя итоги развития русского востоковедения за прошлый век, историк нашего востоковедения акад. В. В. Бартольд утверждал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе».³

¹ С. Ф. Ольденбург. Памяти В. П. Васильева и о его трудах по буддизму. Изв. РАН, 1918, стр. 535.

² И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики, стр. 143.

³ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, стр. 232.

Начало XX в. знаменуется дальнейшим развитием ФВЯ. Ярким свидетельством непрерывного роста общей и специальной научной квалификации профессоров и преподавателей ФВЯ являются разработанные факультетом «Правила, программы и экзаменные требования испытательной комиссии восточных языков» (СПб., 1913, 49 стр.), заменившие «Экзаменные требования» 1884 г.

Структура ФВЯ в это время представлялась в следующем виде: 1) арабско-персидско-турецко-татарский разряд; 2) китайско-маньчжурский разряд;¹ 3) монголо-маньчжуро-татарский разряд с отделами: а) монголо-маньчжурским и б) монголо-татарским; 4) японо-китайский разряд; 5) еврейско-арабо-сирийский разряд с отделами: а) семитской филологии и б) еврейской словесности; 6) армяно-грузинский разряд с отделами: а) лингвистическим, б) историко-литературным, в) историческим; 7) разряд санскритской словесности с отделами: а) санскритско-персидско-армянским, б) санскритско-тибетско-монгольским, в) санскритско-китайско-монгольским.

Эта структура ФВЯ наглядно свидетельствует о диапазоне его учебных и научных возможностей.

Говоря о достижениях русского дооктябрьского востоковедения, следует напомнить общепризнанное положение о том, что русское востоковедение создало такие разделы ориенталистики, как кавказоведение, монголоведение, тюркология, внесло свой крупный вклад в развитие арабской, иранской, китайской, индийской, семитической филологии, сделало крупные успехи в египтологии, ассириологии и эфиопской филологии.

Русские востоковеды вообще и ученые ФВЯ в частности пришли к Октябрьской революции с выдающимися, общепризнанными достижениями.

Нет никакой необходимости умалчивать о недостатках русского до-революционного востоковедения — прежде всего о недостатках методологического порядка, а также об отсутствии должного внимания к насущным проблемам современного им Востока, в особенности к изучению народных движений в странах Востока.

Советское востоковедение, развиваясь на новой методологической основе, заимствует у старого востоковедения его строго продуманную технику исследования — филологический метод.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества, обогатила науку новыми идеями, поставила новые задачи перед востоковедением.

В послеоктябрьский период востоковедение в нашем университете было представлено выдающимися русскими востоковедами, в большинстве своем воспитанниками ФВЯ, научная и педагогическая деятельность которых, хотя и началась до Октября, в основном падает на советское время.

Индианисты С. Ф. Ольденбург (1863—1934) и Ф. И. Щербатской (1866—1942) внесли крупный вклад в изучение буддийского искусства, буддийской литературы и философии. А. П. Баранников (1890—1952) явился основателем советской индологической школы. Кавказовед

¹ Китайско-маньчжуро-монгольский разряд, созданный в 1864 г., в 1908 г. был заменен разрядами: китайско-маньчжурским и японо-китайским (см. «Ленинградский университет. 1819—1944». М., 1945, стр. 72).

Н. Я. Марр (1864—1934) был крупнейшим специалистом в области армяно-грузинской филологии и выдающимся знатоком многих языков Кавказа. Крупнейший востоковед-историк В. В. Бартольд (1869—1930) был одним из основоположников изучения социально-экономической истории стран Востока. Выдающийся тюрколог-филолог А. Н. Самойлович (1879—1938), ученик корифеев тюркологии В. В. Радлова (1837—1918) и П. М. Мелиоранского (1868—1906), оставил заметный след в ряде отраслей тюркологии. Н. В. Кюнер (1877—1955) впервые в нашей стране создал систематические курсы и учебные пособия по географии и новой истории стран Древнего Востока. Арабист И. Ю. Крачковский (1883—1951), выдающийся филолог и литературовед, признанный глава школы советских арабистов, внес крупный вклад в развитие мировой арабистики. Большую услугу отечественному востоковедению и культуре оказал В. М. Алексеев (1881—1951), подготовивший много китайцев и выпустивший в русском переводе ряд классических произведений китайской литературы. Все ныне здравствующие советские семитологи являются учениками П. К. Коковцова (1861—1942) или учениками его учеников. Создателем русской школы истории Древнего Востока является Б. А. Тураев (1868—1920), ученики которого, обогащенные марксистско-ленинской методологией, с успехом продолжают дело своего учителя. Выдающуюся роль в изучении истории и литературы Турции и турецкого языка сыграл В. Д. Смирнов (1846—1922), создавший русскую османистическую школу.

Этот, далеко не полный, список профессоров нашего университета говорит сам за себя.

После Октябрьской революции резко меняется характер и направление востоковедных работ. Советская школа востоковедения коренным образом отличается от буржуазной ориенталистики своим подходом к предмету изучения, методологическими основами, политическим содержанием и идейным уровнем.

Советское востоковедение рассматривает все исторические события в свете анализа классовых отношений и борьбы угнетенных народов за свое социальное и национальное освобождение. В своей работе советские востоковеды руководствуются марксистско-ленинской методологией и политикой КПСС в национально-колониальном вопросе. Советское востоковедение опирается также на многочисленные специальные исследования классиков марксизма-ленинизма, посвященные истории стран и народов Востока, конкретным проблемам их экономики и политики. Советским востоковедением был решительно положен конец противопоставлению Запада Востоку.

«Для нас нет деления народов и стран на Восток и Запад, — писал С. Ф. Ольденбург, — противоположные друг другу и иначе изучаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада».¹

В соответствии с коренными изменениями в востоковедении, вызванными новыми задачами, возникают и новые востоковедные учреждения, призванные решать эти новые задачи.

В 1918 г. в Ташкенте и Киеве создаются Восточные институты. В 1920 г. открываются институты живых восточных языков в Москве и Петрограде. В 1921 г. декретом ВЦИК была создана Всероссийская (по-

¹ С. Ф. Ольденбург. Восток и Запад в советских условиях. М., 1931, стр. 9.

зднее Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения. В том же году в Москве был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

Осенью 1919 г., на основании постановления Наркомпроса от 13 сентября 1919 г., началось создание факультета общественных наук (ФОН) Первого Петроградского университета, организуемого на базе восточного, историко-филологического и юридического факультетов университета, Археологического и Историко-филологического институтов и соответствующих им факультетов Бестужевских высших женских курсов.¹

На ФОНе в 1920 г. было создано первое объединение востоковедов — Коллегия востоковедов, которое в следующем году (14 мая 1921 г.) отошло к Азиатскому музею Академии наук.²

Востоковедение на ФОНе, превратившись только в одну из специализаций этого громадного гуманитарного комбината, медленно угасает; центр подготовки востоковедов перемещается в Петроградский институт живых восточных языков (основан в 1920 г.), в котором преподавание вели лучшие силы петроградского востоковедения.

Чрезвычайно громоздкий факультет общественных наук не оправдал возлагаемых на него надежд. Вскоре экономическое отделение было передано в Политехнический институт, правовое отделение реорганизовано в правовой факультет, остальная часть ФОНа в 1925 г. была преобразована в факультет языкознания и истории материальной культуры (Ямфак). В его составе были отделения: языков и литератур Западной Европы, языков и литератур Восточной Европы, историческое, истории материальной культуры и восточное. При факультете состоял Научно-исследовательский институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока, который сыграл положительную роль в сближении филологов-западников и филологов-восточников. В 1929 г. Ямфак получил новое название: историко-лингвистический факультет (ФИЛ), а в 1930 г., во время выделения из университета отраслевых вузов, ФИЛ превратился в самостоятельный Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), затем в Ленинградский историко-филолософско-лингвистический институт (ЛИФЛИ) в составе литературного, лингвистического, исторического и философского факультетов (1933—1935 гг.).

В 1933—1934 гг. в структуру ЛИФЛИ вносятся некоторые изменения, благоприятно сказавшиеся на развитии востоковедения: учреждается кафедра семитских языков и литератур (1933), на которой впервые было организовано преподавание шумерийского, аккадского и хеттского языков;³ в 1934 г. на этой кафедре было введено преподавание африканских языков, и она стала называться кафедрой семито-хамитских языков.⁴ С осени 1934 г. организуется кафедра тюрко-монгольских языков, восстанавливается кафедра иранистики и др.

¹ «Ленинградский Университет. 1819—1944». М., 1945, стр. 122; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922». Пг., 1923, стр. 34 и сл.; см. еще Записку Н. Я. Марра и С. А. Жебелева «О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук (в части восточных языков)». Пг., 1919.

² И. Кр [а ч к о в с к и й]. Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук («Восток», 1922, кн. 1, стр. 107).

³ «Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947». Очерки. Л., 1948, стр. 337.

⁴ «История кафедр по факультетам (К 120-летию ЛГУ)». Архив ЛГУ, сб. I. История кафедры семито-хамитской филологии стр. 680.

² Вестник Ленинградского университета № 8, 1957 г.

В 1937 г. ЛИФЛИ, в котором к тому времени осталось только два факультета — литературный и лингвистический, вошел в состав Университета на правах филологического факультета.¹

В 1938 г. Ленинградский восточный институт (так с 1928 г. стал называться ЛИЖВЯ) был слит с Московским институтом востоковедения, и, таким образом, Восточное отделение филологического факультета ЛГУ стало единственным местом в Ленинграде, где готовились востоковеды.

Востоковедение в ЛГУ успешно развивается, особенно с 1939 г., когда деканом филологического факультета стал востоковед А. П. Рифтин (1900—1945),² успешно начатое большое дело было прервано войной.

Имея в виду обеспечить дальнейшее развитие нашего востоковедения, улучшить подготовку высококвалифицированных востоковедов, советское правительство во время Великой Отечественной войны приняло решение об организации с начала 1944/45 учебного года восточных факультетов в составе Ленинградского,³ Среднеазиатского, Бакинского и Тбилисского университетов.

Кафедры восточного факультета ЛГУ⁴ возглавили выдающиеся советские востоковеды: академики В. М. Алексеев, А. П. Баранников, С. А. Козин, И. Ю. Крачковский, члены-корреспонденты АН СССР А. Ю. Якубовский, Н. В. Юшманов, Н. К. Дмитриев, Д. В. Бубрих, С. Е. Малов, А. А. Фрейман, Н. И. Конрад, чл.-корр. АН Груз. ССР К. Д. Дондуа и другие видные востоковеды.

С 1 сентября 1947 г. по 1 марта 1950 г. при Восточном факультете действовал Восточный научно-исследовательский институт ЛГУ.

Продолжая поиски организационных форм, наиболее полно отвечающих задачам, стоящим перед советским востоковедением, факультет в 1949 г. провел некоторую реорганизацию своей структуры.

Новая структура факультета учитывала настоятельную необходимость установления в педагогической и исследовательской работе теснейшего контакта между филологическими и историческими дисциплинами. С этой целью существовавшая с 1934 г. в составе исторического факультета кафедра истории колониальных и зависимых стран была передана на восточный факультет и реорганизована. Были созданы: кафедра истории стран Дальнего Востока, кафедра истории стран Ближнего Востока и кафедра истории Древнего Востока. Кроме этих трех исторических кафедр на факультете были созданы девять филологических кафедр: китайской, корейской, японской, монгольской, индийской, иранской, арабской, тюркской филологии и кафедра африканистики. На Восточном факультете ЛГУ представлено изучение языков, литератур и истории почти всех стран Востока и Африки; с осени 1955 г.

¹ «Ленинградский университет. 1819—1944». М., 1945, стр. 122—123. См. еще: «Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947». Л., 1948, стр. 336.

² См.: И. Ю. Крачковский. Памяти ученика. Ученые записки ЛГУ, серия филол. наук, вып. 10. Л., 1946, стр. 3—7; В. М. Жирмунский. А. П. Рифтин. Там же, стр. 8—11; П. Н. Берков. Аннотированный список печатных работ А. П. Рифтина. Там же, стр. 12—14.

³ Приказ Всесоюз. комитета по делам высшей школы при Совнарком СССР, № 39, от 5 февраля 1944 г. (Бюллетень ВКВШ, 1944, № 5, стр. 15).

⁴ Восточный факультет ЛГУ до 1949 г. состоял из 16 кафедр. Подробнее см.: С. А. Козин. Восточный факультет. Газ. «Ленинградский университет», 12 VI 1945 г., № 21/507; «Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947», стр. 348—349.

организовано преподавание языков и истории Вьетнама и Индонезии; восстановлено преподавание тибетского языка (В. С. Воробьев-Десятовский, 1927—1956).

Восточный факультет в течение последних нескольких лет пополнился восемнадцатью молодыми востоковедами — своими воспитанниками, защитившими кандидатские диссертации, и успешно справляющимися с многотрудной обязанностью педагога-востоковеда.

Ведется упорная и систематическая работа по подготовке специалистов-востоковедов высшей квалификации—докторов наук. Докторские диссертации защитили А. Н. Болдырев (1954), Д. И. Гольдберг (1956), М. Н. Боголюбов (1956); завершают работу над докторскими сочинениями еще несколько доцентов факультета.

В 1954 г. была завершена большая и важная работа по разработке учебных программ по языкам, литературам и истории стран Востока, представленных на факультете.

Продолжая лучшие традиции русского и советского востоковедения, наше университетское востоковедение имеет неоспоримые заслуги. К числу таких заслуг относятся:

организация изучения и преподавания новоиндийских языков (акад. А. П. Баранников и его школа); организация изучения и преподавания главнейших языков Африки (чл.-корр. АН СССР Н. В. Юшманов и проф. Д. А. Ольдерогге и их школа);

углубленное изучение восточных языков, проявляющееся в организации ряда особых курсов: введение в восточную филологию, сравнительно-историческое изучение родственных восточных языков и др.;

расширение и углубление изучения литератур народов Востока (труды академиков В. М. Алексеева, А. П. Баранникова, И. Ю. Крачковского, членов-корреспондентов АН СССР Е. Э. Бертельса, Н. И. Конрада, проф. А. Н. Болдырева и др.). Изучение истории восточных литератур усилиями советских востоковедов превратилось в самостоятельную отрасль востоковедения.

Восстановление традиции чтения курса лекций по изучению древнейших тюркоязычных памятников и обеспечение их первоклассными пособиями является заслугой воспитанника и профессора факультета чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова.

За последние годы ученые восточного факультета издали значительное, правда еще недостаточное, число пособий; среди них укажем: пособия по африканистике: Введение в эфиопскую филологию (1955) — посмертное издание труда акад. И. Ю. Крачковского, Грамматика языка Хауса (1954) Д. А. Ольдерогге, Хрестоматия на суахили (1950) И. П. Ждановой;

по Дальнему Востоку: Словарь (1952) и грамматика (1954) корейского языка А. А. Холодовича. Китайское языкознание представлено работой А. А. Драгунова «Исследования по грамматике современного китайского языка» (1952) — расширенное и переработанное издание университетского курса, читавшегося автором в течение ряда лет в ЛГУ; находится в печати диссертация С. Е. Яхонтова, посвященная глаголу в китайском языке;

по Индологии: Урду-русский словарь (1951) В. М. Бескровного и В. Е. Краснодембского, Хинди-русский словарь (1953) В. М. Бескровного. Под руководством В. А. Новиковой подготовлен впервые (с оригинала) перевод избранных произведений Рабиндраната Тагора; первый том уже вышел из печати; сданы в производство второй и третий тома; по арабскому языку: Хрестоматия (1950) Л. З. Писаревского;

2*

по турецкому языку: Грамматика современного турецкого литературного языка (1956) А. Н. Кононова;

по Древнему Востоку: Хрестоматия древнеегипетских иероглифических текстов (1948) М. Э. Матье; Хрестоматия древнеегипетских иератических текстов (1948) И. М. Лурье, Очерки истории Древнего Востока В. С. Воробьева-Десятовского, Р. Ф. Итса, Л. А. Липина, Н. С. Петровского, под редакцией В. В. Струве (1956).

Из литературоведческих работ, законченных в последнее время, следует отметить докторскую диссертацию А. Н. Болдырева, посвященную творчеству таджикского поэта Васифи; современному китайскому поэту Ай Цину посвящено исследование В. В. Петрова (1954); Е. А. Серебряков написал вступительную статью к книге стихов Ду Фу (1955), творчество которого являлось темой его диссертации (1954). Т. А. Бурдукова закончила книгу «Материалы к лекциям по истории монгольской литературы», ряд курсов по истории восточных литератур создали Е. М. Пинус, В. С. Гарбузова, А. А. Долинина и др.

Ведется научное описание восточных рукописей библиотеки Восточного факультета (ираноязычные и тюркоязычные описаны А. Т. Тагирджановым, арабоязычные описываются В. И. Беляевым и П. Г. Булгаковым).

Идет дальнейшее развитие и углубление научного исследования истории стран Востока, базирующееся на марксистско-ленинской методологии. Традиции научного изучения истории стран Востока, чуждого расовых и религиозных предрассудков, нашли свое продолжение и развитие в трудах советских историков-востоковедов. Круг проблем, изучаемых востоковедами, значительно расширился. В работах наших историков большое место заняло изучение народных движений в странах Востока, подготовивших нынешние великие перемены в странах Азии. История Востока стала самостоятельной и важной отраслью советского востоковедения.

Акад. И. А. Орбели прочитал в 1956 г. цикл лекций на тему «История культуры народов Ближнего и Среднего Востока в Средние века»; лекции неизменно собирали многочисленную аудиторию. Важным вкладом в изучение истории средневековой Армении и в особенности исторической обстановки в ней в XII—XIII вв. является книга И. А. Орбели «Басни средневековой Армении» (1956).

Акад. В. В. Струве, глава советской школы историков Древнего Востока, доказал, с позиций марксистско-ленинской науки, что социально-экономической формацией Древнего Востока была рабовладельческая формация. Школу В. В. Струве отмечают глубокие филологические познания и высокий методологический уровень.

Широкое признание получили труды чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской в области средневековой истории Ближнего и Среднего Востока.

Продолжателем лучших традиций русской исторической школы в востоковедении был профессор Факультета, зав. кафедрой Ближнего Востока А. Ю. Якубовский (1886—1953), труды которого по истории народов Средней Азии и по Золотой Орде составляют крупный вклад в науку.

Широко известны исследования проф. В. А. Крачковской по арабской эпиграфике и труды проф. И. П. Петрушевского по социально-экономическим проблемам Средневекового Ирана, Армении и Азербайджана. К этому, далеко не полному, списку трудов наших историков следует добавить работы по Китаю (доц. Г. В. Ефимов, доц. Л. А. Бе-

резный и др.), по Турции (доц. А. Д. Новичев), по Индии (доц. Е. Я. Люстерник), по Японии (доц. Д. И. Гольдберг) и др.

Сдан в издательство ЛГУ большой коллективный труд по истории Ирана с древних времен до XIX в. (авторы: А. Ю. Якубовский, Н. В. Пигулевская, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий).

Кафедры истории стран Ближнего и Дальнего Востока предполагают в течение 1956—1957 гг. подготовить двухтомное учебное пособие по новой и новейшей истории стран Востока.

Из публикаций по новейшей истории Китая назовем книгу Л. А. Березного «Политика США в Китае в период революции 1924—1927 гг.».

За последние годы издано шесть томов Ученых записок Восточного факультета.

Симпатиями широких читательских кругов пользуются научно-популярные книги Л. А. Липина и Н. С. Петровского о Древнем Востоке и Г. В. Ефимова о Китае.¹

Перед восточным факультетом ЛГУ, как и перед всем советским востоковедением, стоят задачи чрезвычайной важности. Для успешного выполнения этих задач, по мнению общественности факультета, необходимо, в первую очередь, неустанно вести систематическую работу по совершенствованию теоретической подготовки профессорско-преподавательского состава, по глубокому творческому овладению марксизмом-ленинизмом — идейной основой советской науки. Успешное изучение восточных языков, литератур и истории стран Востока возможно, как теперь признается всеми, только на филологической основе.

В свете сказанного четко определяются задачи Восточного факультета, которые в основном сводятся к следующему:

1. В области изучения восточных языков: создание ряда новых курсов, призванных углублять филологическую подготовку востоковеда; к ним относятся: курс истории изучаемого восточного языка, курс сравнительно-исторического изучения родственных языков, спецкурс и спецсеминар — восточная текстология, курс истории изучения данной филологии; необходимо также: расширить преподавание языков *Индо-Китая*, *Индонезии* и *Африки*; расширить преподавание *индийских* языков за счет организации преподавания маратхи, пенджаби и дравидийских языков; расширить преподавание семитических языков; расширить подготовку учебных пособий, особенно по новым курсам; повысить уровень подготовки востоковедов, добиваясь активного овладения студентами восточных языков.

2. В области изучения восточных литератур: расширение тематики исследований, совершенствование методики исследования; первоочередной задачей является создание учебников по истории восточных литератур (как минимум — издание конспектов курсов лекций).

3. В области изучения истории стран Востока: дальнейшее углубленное изучение социально-экономической истории и великих народных движений в странах Востока; создание учебников по новой и новейшей истории стран Востока; подготовка курсов: по идеологиям стран Востока, по источниковедению; создание курсов вспомо-

¹ Подробнее о научно-исследовательской деятельности Восточного факультета за последние годы см.: А. Н. Болдырев и Л. А. Березный. Научная деятельность Восточного факультета ЛОЛГУ им. А. А. Жданова в 1954 году. «Советское востоковедение», 1955, № 1, стр. 143—146; Л. А. Березный и А. Н. Болдырев. Научная деятельность Восточного факультета ЛГУ в 1955 г. «Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 152—157.

гательных исторических дисциплин (палеография, дипломатика, нумизматика и др.); издание восточных источников (критические тексты в переводах и извлечениях), освещающих историю народов СССР.

4. В области подготовки молодых ученых: использовать все имеющиеся возможности для скорейшей подготовки молодых специалистов, в первую очередь по восточным языкам и историческим дисциплинам, ранее не преподававшимся на факультете; продолжить усилия по подготовке специалистов высшей квалификации — докторов наук.

Таковы, по мнению общественности факультета, наши основные задачи.

Оглядываясь на пройденный факультетом путь, ясно видя свои достижения и отчетливо сознавая свои недостатки, коллектив Восточного факультета сознает свою ответственность за порученное ему дело. Наш коллектив располагает благодаря заботе партии и правительства всем необходимым, чтобы внести свой вклад в развитие советского востоковедения как в учебно-педагогической, так и в научно-исследовательской областях.

Summary

On October 22, 1854 the decision to organize a faculty of oriental languages at the St. Petersburg University was adopted. The studies at the faculty began on September 1, 1855. The Faculty of Oriental languages, where the best orientalists of the time were teaching, became a centre of scientific orientalism. The Faculty of Oriental studies met the October revolution with universally recognized achievements.

The most elaborate traditions of studying the Orient evolved by Russian orientalists as far back as the pre-Revolution time are being deepened and developed on a new basis. The Faculty of oriental studies of the Leningrad State University comprises 12 Chairs: 9 philological chairs — (among them the Chinese, Korean, Japanese, Mongolian, Indian, Iranian, Turkic, Arabian and African Chairs) and 3 historical chairs — those of the History of the Countries of the Far East, the History of the Countries of the Near East, the History of the Ancient East.

The Faculty of Oriental studies is confronted with the important tasks of further enlarging the range of languages, literatures and histories of the nations of the East to be studied, preparing new courses, manuals and of training highly-qualified orientalists.